

МАССИМО
ВАККЕТТА

ОТ АВТОРА
БЕСТСЕЛЛЕРА
«25 ГРАММОВ
СЧАСТЬЯ»

A photograph of a dolphin and a hedgehog on a boat. The dolphin is on the left, its head and eye visible above the water. The hedgehog is on the right, sitting on the edge of the boat. They are facing each other. The background is blue water.

расскажи *мне что-нибудь* хорошее

история о маленьких ежихах
и необыкновенном спасении
дельфина Каси

Массимо Ваккетта
Расскажи мне что-нибудь
хорошее. История о маленьких
ежихах и необыкновенном
спасении дельфина Каси
Серия «Животные-звезды»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69399115

*Расскажи мне что-нибудь хорошее. История о маленьких ежихах и
необыкновенном спасении дельфина Каси: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-189128-2*

Аннотация

Истории итальянского ветеринара о спасении маленьких ежиков покорили десятки тысяч людей по всему миру. Забота о самых уязвимых и слабых существах, которых порой никто не замечает, стала смыслом жизни автора. В этой книге вы найдете не только трогательные рассказы о жизни маленьких ежат, но и удивительную историю спасения дельфина Каси из заброшенного тегеранского дельфинария. Потеряв свободу и своих сородичей, Кася умирала от тоски. С этого момента началась эпическая история вызволения дельфина, в котором участвовали добровольцы из Ирана, Италии, России и других

стран. Эта книга – манифест о жизни, основанной на единственных ценностях, которые могут гарантировать нашему виду приемлемое будущее: заботу, солидарность, любовь к самым хрупким и внимание к каждому живому существу.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Массимо Ваккетта
Расскажи мне что-
нибудь хорошее. История
о маленьких ежиках
и необыкновенном
спасении дельфина Каси

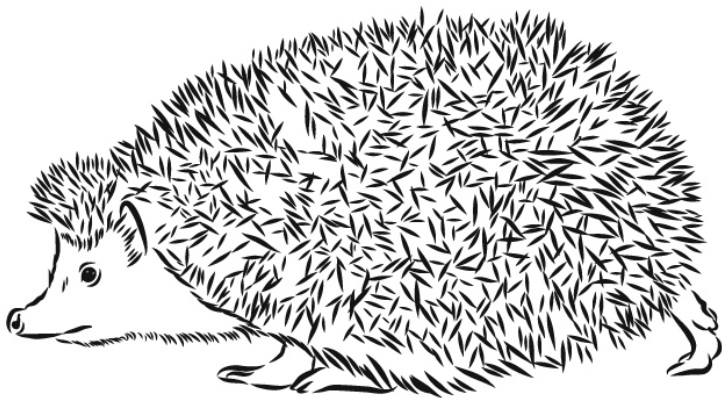
© Исаева Н.Ю., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Пролог

Расскажи мне что-нибудь хорошее

Порой любовь можно выразить без слов... а иногда слов недостаточно.

Долго сомневаюсь, прежде чем отпереть дверь, ведущую в прошлое. Солнечные лучи обрисовывают бледную тень крыльца на дорожке перед фермерским домиком. Сад с приходом осени пожелтел.

На дворе 6 сентября, мой день рождения.

Делаю глубокий вдох. Сердце бешено колотится, в висках стучит. Я открываю дверь. В ноздри проникает сильный запах затхлости. Как же долго я не приходил сюда!

В полумраке меня ожидает множество воспоминаний, надёжно запертых до этого в ящике памяти.

На глаза попались окрашенные в белый и красный соломенные сердца, висящие на стене. Усаживаюсь на диван в столовой и продолжаю разглядывать их. Передо мной за старинным столом, накрытым кружевной скатертью, стоит пустой стул. Ничего не изменилось – вещи застыли, ожидая моего возвращения.

Я сижу, наблюдая этот временный проблеск жизни, и на меня наваливается чувство пустоты и грусти. Опускаю голову и скорее знаю, чем чувствую, что по щекам текут слёзы. Ничто больше не сдерживает мою боль.

Где ты? По-прежнему ли ты меня любишь?

Несколько минут сижу, вслушиваясь в сладко-горькое разноголосье ощущений, которые вызывает у меня это место. Поднимаю голову и задерживаю взгляд на белом сердце из ткани, висящем на дверце старого буфета. Над ним написано одно-единственное слово: любовь. На мгновение кажется, что сердце покачивается.

По моей спине пробегает дрожь. Ты меня услышала? Это твой ответ? Если бы я только мог...

Мысли возвращаются к вечеру, когда она в последний раз вернулась домой из больницы.

– Массимо, – сказала она мне. – Если у тебя нет времени позвонить мне или ответить на мой звонок, ничего страшного. Я знаю, что ты очень занят на работе, но позвони хоть

разочек. Я почувствую твой звонок, пойму, что ты думаешь обо мне, и тоже подумаю о тебе. И вот мы как будто рядом.

Как бы я хотел иметь возможность позвонить ей сейчас!

Закрываю глаза, и на этот раз память переносит меня ещё дальше, во времена моего детства.

Я ребёнок в старом доме бабушки с дедушкой, хватаюсь за высокий подоконник рядом со старым кухонным шкафом, чтобы залезть к окну. Каждую ночь я часами напролёт ждал, когда ты вернёшься ко мне. Я вглядывался в стекло, почерневшее от копоти печки, пытаюсь разглядеть фары машины, возвещающие о твоём приезде. Сейчас, как и тогда, тоска по тебе ощущается ударом в живот.

– Расскажешь мне что-нибудь хорошее?

Воспоминания переносят меня в разгар твоей болезни, когда однажды вечером ты задала мне этот вопрос. Не помню, о чём мы тогда говорили, но он навсегда остался в моём сердце. Правда в том, что мне никогда не удавалось выразить словами всё, что я чувствовал к тебе. Я всегда умел находить общий язык с животными, а вот с людьми...

Вспоминаю прошедшие месяцы. Как часто мне хотелось позвонить или прийти к тебе и рассказать о чудесных событиях, произошедших в моей жизни! А после, может, о своих проблемах и тревогах.

Подумать только – с тех пор, как ты ушла, произошло столько невероятного! Кто бы мог знать, что всё начнётся с моего знакомства с Нинной, этим маленьким колючим су-

ществом? «Если бабочка взмахнёт крыльями в Японии, то на другом конце света возникнет ураган». Встреча с Нинной стала этим взмахом крылышек, после которого моя жизнь изменилась до неузнаваемости. Так появился Центр восстановления ежей «Ла Нинна», придавший моей жизни смысл и цель, которых до этого у меня не было.

Но не только.

Теперь, сидя на диване в тишине столовой твоего дома, спустя год этой ужасной пандемии, я понимаю, что Центр по уходу за ежами, в свою очередь, стал взмахом крылышек, породившим и продолжающим порождать чудесные и неожиданные ураганы в моей жизни и жизни многих, кто следит за нашей деятельностью и остаётся рядом.

И это самая хорошая новость, которую я могу тебе рассказать.

Я снова закрываю глаза и позволяю воспоминаниям меня убаюкать.

Глава 1

Напряжённый день

– Скорее, Соня, неси грелку! Поторопись, мы его теряем!

У него переохлаждение, живот холодный. Его надо согреть! Кьяра, а ты чего ждёшь? Дай мне стакан с тёплой водой, чтобы согреть капельницу, быстрее! И пинцет! Несите пинцет! Живее!

Это один из тех дней, когда я становлюсь нервным, неприятным и суетливым. Отдаю приказы, будто мы в отделении неотложной помощи и у нас ЧП.

– Быстрее! Мы должны регидратировать его как можно скорее, чтобы избавить от шока!

Телефон между тем трезвонит без остановки. Что происходит? Центр будто находится в осаде, и мой мобильник не смолкает ни на минуту.

Я склоняюсь над последним прибывшим. Маленькое тельце лежит почти безжизненно передо мной на столе в операционной. Пытаюсь очистить его ранки от заражения личинками мясных мух.

Как и этот, многие ежи попадают к нам в ужасном состоянии: сбитые машинами, травмированные газонокосилками, искусанные собаками... Мы должны действовать быстро и без колебаний, чтобы у нас был шанс спасти их хрупкие жизни.

Телефон снова зазвонил.

– Да выключите вы его наконец! – шипит Барбара, которая пытается покормить маленького ёжика из шприца.

– Сейчас мне уже неудобно, – с нарастающим напряжением в голосе отвечаю я. – У меня заняты руки. Неужели ты не

видишь, насколько этому бедолаге худо?

Моё беспокойство передаётся всей команде: в Центре, кажется, орудует группка неухоженных безумцев. Наверное, так и есть.

Телефон продолжает разрываться.

Да нет у меня на это времени, дайте передышку! Отключаю звук и возвращаюсь к своему маленькому пациенту. Промокаю язвы дезинфицирующим раствором. Личинки мясной мухи проникают глубже в раны, и мне нужно найти и удалить пинцетом их все, одну за другой, прежде чем они сожрут ежа заживо изнутри. Конкретно в этом случае мне приходится вытаскивать ещё и яйца. Мухи откладывают их повсюду – на волосках, на перьях, в язвах... Личинки вылупляются часов через десять и начинают порождать новых личинок.

Телефон перестал издавать звук, но продолжил вибрировать и тем самым нервировать меня ещё сильнее.

Кто такой настойчивый? Хватит!

– Массимо, я принесла капельницу, – бормочет Кьяра.

– Наполни шприц, – команду я, – и положи его в тёплую воду. Поторопись.

Я понимаю, что использую резкие интонации и приказываю людям, добровольно оказавшимся со мной в одной лодке, но в подобных ситуациях скорость и чёткость имеют ключевое значение. Девушки это понимают. Что ещё важнее – теперь они понимают, что я за человек: порой я становлюсь

просто невыносимым. Телефон продолжает вибрировать, и моему терпению приходит конец. Я хватаю его, думая хорошенько приложить о стену, но вовремя сдерживаюсь и просто отставляю как можно дальше. Разберусь с ним позже.

Когда я возвращаюсь к своему маленькому пациенту, я спрашиваю и про других наших подопечных:

– Соффия пописала? Джека взвесили? Лелла поела?

Девушки следуют за мной, отвечая на вопросы. Как бы я жёстко с ними ни разговаривал, я бесконечно благодарен Барбаре, Соне, Глории, Кьяре и Арианде. Преданность и усилия, которые они вкладывают в наше дело, не сравнить ни с чем; без них я был бы потерян. Достаточно сказать, что на сегодняшний день в приюте находятся 200 ежей, которым требуются внимание и уход, и в помещении нет ни одного метра, который не был бы занят клеткой. Разве я смог бы управиться в одиночку?

В таком темпе мы работаем до середины дня. Потом буря немного стихает. Каждый ёжик получает уход, и его возвращают обратно в клетку – к уютному гнёздышку и вкусной еде. Операционная приводится в порядок, инструменты стерилизуются.

Мне нужно перевести дыхание и хоть немного сбросить накопившееся напряжение.

К сожалению, не в этот раз: беру телефон в руки, перехожу по уведомлению в чат и сразу же вижу фотографию ежа, лежащего на обочине дороги. Сильно опухший ёж имеет фор-

му воздушного шара. Сообщение, сопровождающее изображение, принадлежит Даниэле, молодому сотруднику Центра: «Массимо, я нашёл ежа! Что делать?» Я смотрю на время сообщения: три часа дня. Сейчас уже пять. Прошло слишком много времени, к этому часу несчастный должен был уже погибнуть! С гулко бьющимся сердцем набираю номер Даниэле – долго, слишком долго.

Я ветеринар, практикующий уже более 20 лет, но по-прежнему не могу привыкнуть к подобному: ничто во всём мире не трогает меня так сильно, как страдающее животное.

– Алло, Даниэле, это я! Извини, я оперировал, не мог ответить. Скажи, как ёж?

Он отвечает ещё более встревоженным голосом – и трёх слов достаточно, чтобы прочувствовать всё его волнение.

– Я не знаю! – почти крик.

– Как это не знаешь? – хмыкаю в ответ. – Он ещё жив? На фото ёж такой опухший, будто уже начал подгнивать.

– Нет, – уверенно отвечает Даниэле. – Тётя говорит, что он двигается. Жив! Что делать?

– Возьмите картонную коробку, – отвечаю я, – наполните бутылку горячей водой, заверните её в ткань и положите рядом. После неси его сюда!

Вешаю трубку. Моё сознание непроизвольно начинает рисовать, как маленький ёжик умирает на обочине дороги, и беспокойство возрастает. К счастью, ненадолго – через пол-

часа Даниэле появляется в Центре. Потный и взволнованный сильнее обычного.

Сегодня 15 октября 2019 года, на часах 17:30.

Ежика, которую Даниэле передаёт мне в коробке, – Кази-мира. Её трогательную историю я храню в своём сердце до сих пор. Но чтобы поведать её, нужно начать с другой истории, которая начинается несколькими месяцами ранее, – истории Даниэле.

Глава 2

Даниэле

Это было раннее летнее утро. Я менял газетные листы в клетках – ежедневная рутина, чтобы держать наших маленьких гостей в чистоте, – когда позвонила Катерина – соци-

альная работница, которая время от времени присылает нам людей на исправительные работы.

– Доброе утро, Массимо... эм... – нерешительно начала она. – Тут один парень... он немного проблемный, у него СДВГ... Мы не первые, кто берёт за него ответственность – у него ранее уже были проблемы с правосудием. Если бы у вас нашлось для него дело...

Я понятия не имел, что такое СДВГ, и уж тем более не представлял, что такого мог натворить этот парень, но инстинктивно согласился помочь. Какая бы у него ни была история, он нуждается в помощи, подумал я, а у нас есть возможность её предоставить. Я любил наш Центр ещё и за дружелюбие – мы без предрассудков протягиваем руку помощи всем существам, которые в ней нуждаются.

– Мы на месте, – ответил я. – Присылай его хоть сегодня. Мы распрощались с Катериной, и меня охватило любопытство: кто этот парень такой? Чем он нам поможет? И главное, чем мы поможем ему?

Ответы на мои вопросы пришли после обеда с резким звонком в дверь: на пороге Центра стоял Даниэле.

Взволнованный парнишка чуть за двадцать. Нос, губы и брови украшали многочисленные пирсинги. Я подумал, что под всеми этими железками прячется красивое лицо. Ещё у Даниэле оказались большие выразительные оленьи глаза.

Я пригласил его войти и поболтать, принёс второй стул к моему столу. Даниэле проигнорировал стул и предпочёл

ступеньки, ведущие в соседнюю комнату. Он нервничал: во время разговора Даниэле постоянно двигался – вставал, смеялся, ходил туда-сюда, будто никак не мог обрести покой.

Из разговора я понял, что он заинтересован в успехе, и это наполнило меня нежностью к нему. После обмена любезностями я задал вопрос, который задаю всем, кто хочет с нами сотрудничать:

– Даниэле, почему именно животные?

Он замолчал, собираясь с мыслями.

– Потому что... – он явно подбирал слова. – Они чистые. Мне с ними комфортно.

Он снова замолчал, а после попросил разрешения закурить. Разумеется, я отказал.

Даниэле продолжил:

– Рядом с ними... я не чувствую, что меня оценивают. Животные, я имею в виду.

Эта фраза поразила меня в самое сердце.

Я узнал в ней себя: трудности общения с людьми и свободу, покой, которые ощущаю рядом с животными. Мы определённо позаботимся об этом парне, пообещал я себе.

– Хорошо, Даниэле. Отлично, – с улыбкой сказал я.

* * *

Так и началась его деятельность в Центре.

Лето у нас – горячий сезон. И дело вовсе не в погоде, а

в зашкаливающем количестве просьб о помощи, которые к нам поступают. Спячка давно позади, и летом ежи переполнены энергией. Люди же начинают подстригать живые изгороди, косить газоны, жечь валежник... Кроме того, званые ужины, походы в кино и прочие светские мероприятия побуждают людей садиться в машины, даже если проехать нужно всего пару сотен метров. Зачастую водители сбивают маленьких ёжиков, когда те пересекают дороги, залитые светом фар.

Даниэле приходил к нам в Центр каждую субботу, и с каждой неделей наша уверенность в нём возрастала. Я видел, как он проникся делом и хочет помочь, но замечал также и его неуклюжесть. За ним нужен был глаз да глаз, а у меня не было на это времени. Однажды я попросил Даниэле помыть пол на кухне. Он вернулся туда с полным ведром воды и опрокинул его на пол, будто собирался драить палубу корабля. Мы были в ужасе.

Я выяснил, что СДВГ является аббревиатурой для обозначения синдрома дефицита внимания с гиперактивностью. Это заболевание частенько выводит человека из строя, вызывает у него состояние перевозбуждения, чувство нервозности и беспокойства. Даниэле как будто всегда был немного не к месту. Тем не менее я был убеждён, что мы делаем хорошее дело. Парень имел здоровые принципы, сочетавшиеся с удивительной нежностью и душевной добротой. Просто у него не получалось это выразить. В перерывах мы

говорили с ним обо всём на свете, и я был приятно впечатлён его живым умом.

До Центра Даниэле нужно было ехать 30 километров на мопедке. Со мной он чувствовал себя значимым и уважаемым, и я видел, что он принял заботу о ежах по-своему близко к сердцу. Что до меня, то я просто получал удовольствие от того, что хоть как-то могу помочь этой повидавшей виды душе.

Впрочем, это были ещё цветочки.

СДВГ был не единственной проблемой Даниэле: парень досконально, почти научно, знал все психотропные препараты и их эффекты. Наркотики были для него способом подавить постоянное возбуждение, мучившее его, и он с большой откровенностью рассказывал мне о лекарствах, которые принимал – законно или нет, – чтобы немного замедлиться и унять беспокойство. Даниэле страдал, а я не знал, как ему помочь. Это было непросто.

Помню разговоры с другими нашими волонтерами:

– Держать его здесь – большая ответственность, – говорили они. – Тут же не психиатрическая больница, а Центр по спасению ежей!

Я был непреклонен:

– Если мы будем обращать внимание только на ежей и закроем глаза на всё остальное, мы так ничему и не научимся. Конечно, в Центре по уходу за животными остаётся не так много времени на уход за людьми. Но Даниэле мы помочь

способны.

– Это не наша работа, – отвечали мне. – Это работа психологов и психиатров, а не ветеринаров!

– Неправда! – злился я. – У нас тоже есть сердце! Рационального подхода недостаточно, нужно сострадание!

Зачастую наши споры ничем не заканчивались, и каждый оставался при своём мнении. Однако время шло, а Даниэле продолжал стараться в меру своих возможностей.

И тут на сцене появляется Казимира. Она-то всё и изменила.

Глава 3

Казимира

Никогда не забуду выражения лица Даниэле, когда он передавал мне коробку. В его взгляде была немая мольба: «Спаси его, Массимо. Спаси!» Кто знает, насколько он видел себя в этом раненом и беззащитном зверьке. Единственное, чего Даниэле хотел, – вернуть ёжика к жизни.

Я взял коробку из его рук, открыл её и пришёл в ужас. Ёж ещё дышал, но был настолько опухшим, что его раз-

дувшаяся кожа почти скрывала лапки. Это была самочка. Израненная и набитая мушиными яйцами, она страдала «синдромом шара», свойственным животным с раненой головой. Повреждение верхних дыхательных путей приводит к тому, что во время дыхания часть воздуха попадает под кожу, из-за чего она раздувается.

Я вставил иглу канюли, прикреплённую к шприцу, и начал вытягивать воздух. Вскоре ежонок в моих руках стал крохотным. Даниэле неподвижно стоял рядом и не отрывал от него взгляда. Я никогда не видел его таким: он смотрел на ежонка, затаив дыхание. Я представил себя на его месте, и меня тоже захлестнула волна эмоций. Было чувство, что я спасаю этого ежа ради Даниэле. Эта мысль меня мотивировала.

После небольшой паузы я взял пинцет и начал очищать свою подопечную от мушиных яиц. Их было так много, что мне начало казаться, будто они никогда не кончатся. Мне потребовалось много часов, чтобы избавиться от них. Уже за полночь я поставил ежихе капельницу и дал ей антибиотик, после чего наконец положил её отдохнуть в тёплом гнёздышке из флиса.

Ночью я часто вставал, чтобы проверить её. Чуда ждать не приходилось, потому что ежиха была по-настоящему измучена. Однако через какое-то время она стала проявлять поразительную жизнестойкость. Я очень ей сочувствовал: маленькое тельце неподвижно лежало в углу клетки и боролось за жизнь, до этого бог знает сколько часов пролежав на обо-

чине дороги без малейшего шанса на выживание. Но дело было не только в этом. Мои мысли постоянно возвращались к Даниэле, который закидывал меня сообщениями с вопросами о состоянии пациентки. Я с радостью отвечал на них, давая понять, что именно Даниэле удалось вырвать её из лап смерти. Теперь я понимаю: попытка спасти ежиху была для меня попыткой помочь Даниэле спасти себя.

В течение трёх следующих дней паренёк с радостью следил за каждым шагом постепенно приходящей в себя ежихи.

На следующий день, когда мы уже решили, что худшее позади, и начали кормить малышку из шприца, кое-что снова выбило меня из колеи: тошнотворный запах, исходящий от иголок. Я не сразу сообщил об этом Даниэле, но было очевидно: у несчастной была инфекция, причём, скорее всего, на последней стадии развития. Как такое было возможно?

Я осматривал её миллиметр за миллиметром, пока не обнаружил то, что искал: глубокая рана, спрятавшаяся между иголками на спине. В ране всю пировали три огромные мушиные личинки. Как, чёрт возьми, я этого не заметил?! И что теперь делать? Я схватил пинцет и сразу же очистил рану. Затем, тщательно осмотрев ежиху сверху донизу, нанёс дезинфицирующий крем на рану и начал молиться, чтобы не стало хуже. Инфекция, как мне казалось, была серьёзной и запущенной. Я беспокоился, сможет ли это маленькое ослабленное существо справиться.

Загадывать было невозможно, оставалось только ждать и

надеяться на лучшее.

Именно в эти трудные дни ожидания Даниэле сказал мне: – Массимо, мы ведь не дали ей имя! Как мы её назовём? Я почувствовал себя разбитым.

– Да, – ответил я. – И то верно, – на ум интуитивно пришло подходящее имя: – Казимира! Назовём её Казимирой.

До сих пор не понимаю, почему выбрал именно это имя, с которым меня ничего не связывает.

Через несколько дней я нашёл его значение: «Несущая мир». Звучало как благословение. Тогда я понял, что это имя как нельзя лучше подходит нашей ежихе. Она принесёт Даниэле мир! Вот почему именно он её обнаружил: Казимира – его шанс почувствовать себя полезным, иметь возможность дарить любовь тем, кто в ней нуждается, и наконец понять, что он тоже её заслуживает! Мне казалось, что пазл сложился: это имя было подтверждением и наглядным доказательством того, чем мы в Центре занимаемся.

У Казимиры были такие же большие и выразительные глаза, как у Даниэле. Она тоже была ранена и нуждалась в поддержке и понимании.

Ежиха, которая должна была принести мир, боролась с инфекцией целый месяц. Она шла на поправку очень медленно и держала нас всех в постоянном напряжении.

Даниэле звонил каждый день и вскоре пришёл лично, чтобы увидеть Казимиру своими глазами. Мне было приятно видеть, что он нашёл в Центре своё место.

К сожалению, происходящее в Центре было лишь малой частью его жизни. Бедняга постоянно поддавался искушению обратиться к привычным лекарствам, чтобы успокоить страдания души. Он начал просить у меня денег, но я, догадываясь о его истинных намерениях, всегда отказывал.

Я не хотел быть соучастником его зависимости и сердился.

– Тебе нужно заботиться о себе и своём здоровье, – твердил я ему. – Иначе рано или поздно это кончится плохо. Помощь животным – хороший путь, но, чтобы идти по нему, необходимо прилагать усилия.

Он слушал, опускал взгляд и молчал. В такие моменты я чувствовал себя беспомощным. Мне хотелось ему помочь, но помогать животным выходило гораздо лучше.

* * *

Шли недели, месяцы. Из-за инфекции у Казимиры развился парез в спинной мышце: он не позволял ей сворачиваться и сделал её искалеченной на всю оставшуюся жизнь. И всё-таки благодаря заботе Даниэле она шла на поправку.

Притом что у него так и не получалось совладать со своими демонами.

Затем наступила пандемия. И это, вероятно, стало поворотным моментом.

Из-за первоначальной жёсткой изоляции парень больше

не мог приходить в Центр. Наше общение угасало. Однажды ночью он написал мне с просьбой одолжить денег. Я сухо отказал. После этого наше общение прекратилось окончательно.

Однако каждый раз, когда я брал Казимиру на руки, гладил её или нащёптывал ей подбадривающие слова, мне казалось, что я разговариваю с Даниэле: как будто я пытался поговорить с ним через ежиху, преодолевая разделяющие нас тишину и расстояние. Возможно, это была своеобразная молитва. В глубине души я не переставал надеяться на его возвращение.

К сожалению, этого не произошло.

Я сел писать эту главу с мыслями о возможном воссоединении, но мне сообщили ужасные новости.

– Массимо, у Даниэле произошла остановка сердца, – сказала мне по телефону социальная работница. – Всё произошло неожиданно. Подумать только, ему ведь было всего двадцать три года.

Я был в горе и не мог перестать об этом думать. Казалось, всё потеряло смысл. Позже социальная работница передала мне слова, которые Даниэле сказал своей маме: «Месяцы, проведённые в Центре Массимо, были лучшими в моей жизни. Я очень хочу вернуться и продолжить ему помогать». После этих слов мне стало чуть легче.

Дорогой Даниэле, мне хотелось, чтобы наша встреча стала для тебя взмахом крыльев бабочки, который перерос бы

в чудесный ураган перемен. Судьба распорядилась иначе, и причин нам знать не дано. Теперь я понимаю, что не я учил тебя чему-то, а наоборот.

По мере того как пандемия начала распространяться по всему миру, «Ла Нинна» стала организовывать большой благотворительный концерт, чтобы помочь австралийским животным, пострадавшим от разрушительных пожаров. Тогда я ещё этого не осознавал, но теперь благодаря тебе я стал лучше понимать, чем мы тут занимаемся на самом деле. У нас не просто Центр по уходу за ежами, нет, мы не настолько близоруки. «Ла Нинна» – парадигма, подразумевающая заботу, и она учит нас не отворачиваться при столкновении со страданием и нуждой, будь то животные или люди. Необходимо помнить: мы – хрупкие бабочки, способные одним взмахом крылышек изменить мир.

Глава 4

Нина

Казимира по-прежнему живёт у нас. Мы отвели ей место в комнате, которую назвали комнатой для «ежей с ограниченными возможностями». У ежей, находящихся там, есть серьёзные физические недостатки, которые не позволяют им вернуться в дикую природу, поэтому мы обеспечиваем им достойную жизнь, заботимся о них и окружаем любовью. Животные это чувствуют.

Вскоре в этой комнате нашлось место для ещё одной ежи. Как и Казимира, она оставила глубокий след в моём сердце.

Её звали Нина.

Впервые мы встретились июньским вечером 2019 года. Я освободился только около полуночи: рабочий день выдался тяжёлым, и единственное, чего мне хотелось – вздремнуть, привычно облокотившись на свой рабочий стол.

Мне почти удалось заснуть, когда зазвонил телефон.

– Здравствуйте, – раздался женский голос. – Я звоню вам, потому что читала о вашем Центре... Мы с мужем слышали странный пронзительный крик, вышли на балкон и поняли, что он исходит со двора нашего дома. Звук был таким громким и душераздирающим, что мы слышали его аж с третьего этажа! Муж спустился посмотреть и выяснил, что в заборе автоматических ворот застряло животное. Честное слово, оно кричит без остановки.

Я поверил, потому что расслышал в трубке эти крики на заднем фоне. Ещё до криков несчастного было понятно, что речь идёт о еже. Мне знаком этот звук, но я никогда раньше не слышал его так громко. Обычно ежи кричат от боли или когда сильно напуганы – этот звук похож на крик новорождённого, но более пронзительный и проникновенный. От него мурашки бегут по коже.

– Скорее берите его и везите сюда, не будем терять время на разговоры! – взмолился я.

Это оказалась самочка. Когда её привезли, она уже не кричала, но явно была в шоке. Я положил ежиху на стол. Стоило мне коснуться её, она захныкала. Из-за неподвижности её лап я понял, что мы имеем дело со сломанным позвоночником. Глаза её были мокрыми от слёз. Это физическая, а не эмоциональная реакция, как можно было подумать. Я старался сохранять спокойствие, но её страдания сильно меня подкосили.

Больше всего меня поразил её взгляд: грустный взгляд смилившегося со своей скорой гибелью существа.

Перелом затронул поясничные позвонки. Я сделал ей инъекцию кортизона, чтобы уменьшить отёк, и вскоре после этого дал анальгетик, чтобы избавить от боли.

Когда мне приносят ежа в таком состоянии, я часами неотступно слежу за ним и никогда не теряю надежды: за годы работы в Центре я повидал настоящие чудеса.

Ночью я внимательно следил за ней – постепенно ежиха приходила в себя и стабилизировалась. Ей удалось пережить самое тяжёлое время.

В те дни я был с ней очень осторожен, старался не напугать и не сделать хуже. Из-за травмы позвоночника Нина больше не могла мочиться, поэтому мне приходилось помогать ей, осторожно надавливая на мочевой пузырь. Но это было не единственным следствием её травмы: Нина больше не могла свернуться в клубок, и, что ещё хуже, у неё были парализованы задние лапы. Тем не менее я не терял веры в

её выздоровление. Несколько лет назад другой ёжик, Ральф, находившийся в таком же состоянии, снова обрёл чувствительность в лапках после месяца терапии; я не исключал, что подобное может произойти и в этот раз.

– Давай, малышка Нина, – говорил я. – Мы справимся, вот увидишь.

Когда у животного парализована конечность, оно через несколько дней зачастую начинает относиться к ней как к постороннему предмету, препятствию, и больше не признаёт эту конечность частью себя.

И вот однажды утром произошло неизбежное.

Меня разбудили громкие стоны, доносившиеся из клетки Нины. Я вскочил, бросился к ней и увидел, что она грызёт свои лапы, пытаясь от них избавиться. Ей не было больно, поскольку они онемели, но ежиха продолжала стенать, разбивая этими звуками моё сердце.

– Нет, Нина, нет... – пробормотал я. – Не делай этого!

Я перевязал ей лапы, чтобы она больше не могла себя ранить, но вскоре мне пришлось смириться с реальностью: шли дни и её лапы мертвели. Она в любом случае лишилась бы их.

У некоторых ежей сильный, непоколебимый характер, как, например, у Кали, которая до сих пор у нас живёт. У неё остались только передние лапы, но она продолжает бегать, излучая энергию каждой клеточкой кожи, каждой иголкой.

Нина была другой. Она сдалась, и я изо всех сил пытался с этим смириться. Было больно. Я проводил с ней много времени, помогая и пытаясь хоть как-то облегчить её страдания. Прошло два месяца, но Нине становилось только хуже. Она слабела, худела, и вдобавок ко всему у неё появилась дизентерия.

Однажды я наполнял для неё шприц, а она развернула свою милую мордочку в мою сторону и несколько долгих секунд смотрела на меня своими большими тёмными глазами. Она перевела взгляд на шприц, потом снова посмотрела на меня. И медленно вздохнула.

Никогда не забуду этого вздоха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.